

Идея международного искусственного языка в дребрах ранней советской социалингуистики

The idea of an international artificial language at the dawn of early Soviet sociolinguistics

Aleksandr Duličenko

(Александр Дмитриевич Дуличенко)

Published online: 20 May 2010

© Springer Science+Business Media B.V. 2010

Аннотация Идея международного искусственного языка зародилась в России в 18 в. В России и в СССР до конца 20 в. было создано примерно 80 проектов таких языков. После революции 1917 г. идеология интернационализма сначала позитивно принимает идею международного языка (о чем говорит взлет эсперантского движения в 20-е и в первой половине 30-х гг.), однако во второй половине 30-х гг. это движение было разгромлено, так как оно мешало развитию национальных языков и роли русского как языка межнационального общения. В дискуссиях о том, каким должно быть ‘марксистское языкознание’, приняли участие и первые интерлингуисты СССР Э. К. Дрезен и Е. Спиридович.

Abstract The idea of an international artificial language emerged in Russia in the 18th century. By the end of the 20th century in Russia and the USSR 80 projects of such languages were created. After the revolution of 1917 the ideology of internationalism first accepted the idea of an international language (as the rise of the Esperanto movement in the 1920s and the first half of the 1930s shows), but in the second half of the 1930s this movement was destroyed, as it impeded the development of national languages and the function of Russian as the language of interethnic communication. In the discussion about what ‘Marxist linguistics’ should be like, the first interlinguists E. K. Drezen and E. Spiridovič also took part.

Ранняя советская социалингуистика, т.е. начальный этап ее становления и развития, охватывает 20–30-е гг. XX в. Толчком для ее формирования послужило крупнейшее социально-политическое событие в России, известное под названием Великой Октябрьской социалистической революции (1917). У истоков советской социалингуистики, в то время называемой то социологической, то социальной лингвистикой, то социологией языка, то, более узко, социальной диалектологией, то просто социальным

A. Duličenko (✉)

Faculty of Philosophy, University of Tartu, Tartu, Estonia
e-mail: aleksd@list.ru

аспектом языка, стояли практические вопросы, связанные с очевидной зависимостью между обществом и языком:

- 1) Социальная встряска в виде революции, а затем и гражданской войны должна была так или иначе отразиться на русском и других языках народов России и СССР—признаки такой взаимозависимости не могли быть незамеченными российско-советскими лингвистами (работы об изменениях в русском языке А. П. Баранникова, А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова и др.).
- 2) Последовавшее движение в СССР, названное языковым строительством, предусматривало практическую работу по созданию письменности и лексико-грамматических норм для ранее бесписьменных языков новой страны, усовершенствование письменности и коррекцию норм в литературных языках, имевших длительную традицию, и т.д.
- 3) Вскрывшиеся проблемы подобного плана, разумеется, требовали теоретического осмысления самого языка как социальной сущности, начиная от гипотез о его происхождении, развитии в этнических коллективах и кончая эволюцией, выразившейся в давлении не только внутренних факторов, но и социальных требований.

Отсюда—и ряд важнейших теоретических исследований, например, Н. М. Каринского, Б. А. Ларина, М. Н. Петерсона, Р. О. Шор, М. В. Сергиевского, Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского, В. М. Жирмунского, В. В. Виноградова и др. При этом важно подчеркнуть, что во все три выделенных нами направления активнейшим, а лучше сказать—агрессивнейшим образом, вмешивалась новая идеология, обозначенная как марксизм. Языкознание, в том числе и его раздел социолингвистика, должны были быть марксистскими, однако мало кто в ту пору знал, как применить марксизм к языку и к направлениям, его изучающим. Потому ранняя советская социолингвистика окрашена ореолом борьбы за ‘марксистское языкознание’, за ‘марксистский подход’ к языковым явлениям (здесь сталкивались концепции Н. Я. Марра, Е. Д. Поливанова, группы Языкфронт и некоторых других).

На этом поле борьбы пыталась найти свои боевые позиции и молодая советская дисциплина интерлингвистика. Сам термин во французском виде *interlinguistique* появился в 1911 г. и принадлежит бельгийскому стороннику идеи международного искусственного языка (далее МИЯ) Ж. Меймансу. Однако он не сразу пробил себе дорогу в науке, поэтому еще в 20–30-е гг. использовался термин ‘космоглот(т)ика’—ср. название одного из разделов книги крупнейшего теоретика эсперантологии и интерлингвистики 20–30-х гг. Э. К. Дрезена *Наука о всеобщем искусственном языке—космоглоттика* (Дрезен 1928a, 181), его же статьи *Языки контр-революции. Реакционные теории в современной космоглотики (!)* (Дрезен 1931b, 77–80). В латинизированной форме это название выглядело как *cosmoglottica*—ср. название статьи востоковеда и интерлингвиста Н. В. Юшманова, опубликованной в 1929 г. в итальянском журнале *Schola et vita* на искусственном языке латино-сине-флексии (или ‘интерлингва’) (Yushmanov 1929); годом ранее в рукописной статье *Всемирный язык* Н. В. Юшманов писал о «создании новой науки космоглотики (учение о всемирном языке)» (Юшманов 1987, 465). Традиционным объектом интерлингвистики, таким образом, считались МИЯи международного или всемирного предназначения.

В XX в., особенно во второй его половине, стало преобладать мнение о том, что эта дисциплина изучает вопросы международной языковой коммуникации, которую могут обеспечить языки трансэтнического распространения—будь то так называемые живые этнические или же языки, созданные рациональным путем (см., например, Blanke 1985; Кузнецов 1987, 5–7; Дуличенко 1982, 68–93; 1989, 18–41; 1995, 39–55).

Таблица 1 Динамика роста лингвопроектов (Дуличенко 1990, 13–14)

Век	По 25-летиям	Количество проектов международного языка
II		1
VII–VIII		1
XII		1
XIII		1
	время неизвестно	8
XVI	год неизвестен	5
	1501–1525	—
	1526–1550	2
	1551–1575	1
	1576–1600	—
	всего в XVI в.	8
XVII	год неизвестен	6
	1601–1625	2
	1626–1650	6
	1651–1675	20
	1676–1700	7
	всего в XVII в.	41
XVIII	год неизвестен	3
	1701–1725	4
	1726–1750	3
	1751–1775	18
	1776–1800	22
	всего в XVIII в.	50
XIX	год неизвестен	9
	1801–1825	29
	1826–1850	34
	1851–1875	55
	1876–1900	119
	всего в XIX в.	246
XX	год неизвестен	18
	1901–1925	249
	1926–1950	150
	1951–1973	143
	всего до 70-х гг.	560

Если говорить о МИЯх, то работа по их созданию ведется на протяжении всей новой истории человечества—по крайней мере, по нашим данным, начиная со II в. н. э. и по 70-е гг. XX в. было создано более 900 лингвопроектов, предназначенных для международного использования, см. Таблицу 1.

Самая большая проблема—это социализация выдвинутого лингвопроекта. Как видим, сначала необходимо такой проект создать, т.е. сформулировать его грамматические основы и словообразовательно-лексический фонд, затем наступает следующий этап—внедрить лингвосистему в социум. На этом этапе проблема МИЯа становится

проблемой как интерлингвистики, так и социолингвистики. Социолингвистический аспект интерлингвистики берет свое начало с 1879 г., когда немец М. Шлейер создал язык *Volapük* 'волапюк' (структура его—соединение апостериорных элементов с элементами априори), восхитивший сторонников идеи МИЯа и начавший быстро распространяться в ряде стран Европы. Социализация волапюка в рамках движения за МИЯ шла стремительно—впервые на конгрессах сторонников этого языка все говорили на одном искусственном языке. Однако язык оказался трудным для изучения и устного восприятия. И в 1887 г. Л. Заменгоф составляет основы эсперанто, базируя его в словаре на европейском корнеслове, а в грамматике используя агглютинативные принципы. Эсперанто постепенно вытесняет волапюк, его социализация достигает невиданных до того высот, хотя часть сторонников идеи МИЯа по-прежнему продолжает поиски оптимального варианта рационально созданного международного языка. Так появляются конкуренты эсперанто: язык идо (1907), затем окциденталь-интерлингве (1922), интерлингва (1951) и ряд других. В интерлингвистике насчитывается до десятка лингвопроектов, adeпты которых пытались их социализовать, однако все же эсперанто стоит в этом отношении вне конкуренции. Ныне этот международный вспомогательный язык осуществляет связь между рассеянными по всему миру его сторонниками, выполняя для них не только коммуникативные, но и эстетические и прочие функции (см. подробнее о современном состоянии этого языка и о его функциональных достижениях в докторской диссертации А. С. Мельникова 2004).

В России, по данным того же источника, с XVIII в. был предложен и разработан, по крайней мере, 51 лингвопроект, а в СССР—29, т.е. в общей сложности 80 лингвопроектов МИЯов (см. Дуличенко 1990, 420–421). Этот лингвопроективный процесс можно представить в виде хронологической таблицы (см. Таблицу 2).

В XX в. вплоть до 1917 г., по данным Дуличенко (1990), в России было предложено 22 проекта МИЯа, из которых в теоретическом плане наибольший интерес представляют *Idiom Neutral* В. К. Розенбергера (1893–1902), *Философский язык* Я. Линцбаха (1916) и *etem* Н. В. Юшманова (1917).

С 1918 по 1939 гг. в СССР появилось около 20 лингвопроектов, из них несколько достаточно хорошо продуманных и проработанных, например, *Окциденталь* Э. Валя (1922), получивший распространение в некоторых странах Европы и позднее переименованный в *Interlingue*. Даже космолог Э. Циолковский размышлял над *Общечеловеческим языком* (1927).

Динамика численности проектов МИЯ в указанное время такова: 1918—1, 1920—2, 1921—2, 1922—2, 1923—3, 1924—1, 1925—1, 1926—3, 1927—2, 1930—1.

Из всех этих опытов лингвопроектирования самыми успешными в плане социализации оказались эсперанто (его создатель жил в Польше, входившей в состав Российской империи, и в России), окциденталь-интерлингве, созданный эмигрировавшим в Эстонию петербуржцем Э. Валем в 1922 г. и созданный во Франции идо. Иными словами, каждый из этих языков функционировал в среде его сторонников. Впрочем, таких сторонников в движениях за идо и окциденталь-интерлингве было немного.

Революция 1917 г. плодотворно повлияла на движение за МИЯ как в самой России-СССР, так и за рубежом. Идеи интернационализма, глобального распространения новой идеологии как раз соответствовали назначению МИЯа, который по изначальному замыслу должен был распространяться между народами разных стран и способствовать преодолению языковых барьеров и объединению человечества. Не случайно именно в СССР в эти годы эсперанто находит самое широкое распространение. Его социальная значимость как никогда до того и как никогда после того достигает своей

Таблица 2 Хронология лингвопроектов

	Лингвопроект	Структурный тип	Создатель (автор)	Год создания	Место создания
Век XV/III	б/н ^a	философская система	B. de De-Ria	1788	С.-Петербург
	[письменный язык]	пазиграфия	X. Г. Вольке	1795	С.-Петербург
	Pasigraphie	цифровая пазиграфия	Ch. H. Wolke	1797	С.-Петербург/Dessau (Германия)
Век XIX	[общий язык]	всеобщий алфавит	Н. С. Ильин	1842	
	б/н	априорно-апостериорный	А. Т. Гримм	1860	Россия/Константинополь
	б/н	априорный	Д. Н. Чернушенко	1861–1864	Украина/Харьков
	всемирно-научный язык	философская система	М. Н. Глубоковский	1880	Москва
	идеография	философская пазиграфия	С. И. Барановский	1884	Украина/Харьков
	б/н	априорный	В. Г. Шершь	1886–1887	Москва
	эсперанто	апостериорный	Л. Заменгоф	1887	Польша/Россия
	Настоящий (живой)	усовершенствование	А. Ф. Старчевский	1889	С.-Петербург
	всемирный язык	английского			
	франсезин	упрощение французского	А. Лякидэ	1893	С.-Петербург
Век XX	Lingua internacional	апостериорный	?	1893	С.-Петербург
	Lingu nov	апостериорный	В. К. Розенбергер	1895	С.-Петербург
	Прометей-просветитель	априорно-философский	Е. Гурин (псевд. Д-р Новолудм)	1896–1898	Украина/Киев
	Eksternacia lingvo	реформа эсперанто	?	?	Россия/СССР
	Новый разговорный язык	?	Д.-в.	1905	Москва
	[Idiom neutral reformed]	Реформа Idiom neutral'a	В. К. Розенбергер	1906	Петербург
	[Idiom neutral reformed]	Реформа Idiom neutral'a	E. Wahl/Э. Валь	1906	Петербург
	Logo (Logo)	апостериорный	Э. Дардэ	1907	Украина/Макеевка
	Idiom neutral reformed	апостериорный	В. К. Розенбергер	1907	Петербург

Таблица 2 (продолжение)

Лингвопроект	Структурный тип	Создатель (автор)	Год создания	Место создания
AULI = Auxiliary lingue international	апостериорный	E. Wahl/Э. Валь	1909	Эстония/Россия, Ревель/Таллин
Esperanto reformita	апостериорный	Р. Ф. Брандт	1909	Москва
Romaniĝato	апостериорный	Р. Ф. Брандт	1908–1909	Москва
Научный и международный язык	апостериорно-априорный	В. И. Венгеров	1910	Екатеринбург
Международно-научный язык [I]	апостериорный	А. Ковалев	1911	Ростов-на-Дону
Lingua franca	апостериорный	П. Стоян	1911	Петербург
Spiranta	апостериорный	П. Стоян	1911	Петербург
Адельфийский язык	апостериорный	А. Ковалев	1912	Ростов-на-Дону
Aryana	апостериорный	П. Стоян	1912	Петербург
Reform-Neutral	апостериорный	В. К. Розенбергер	1912	Петербург
Вива	апостериорный	Н. А. Несмеянов	1913	Москва
Грамматическая идеография	пазиграфия	В. Е. Чешихин	1913	Латвия/Россия, Рига
Неосинография	идеография	В. Е. Чешихин	1913	Латвия/Россия, Рига
Нэпо	смешанная система	В. Е. Чешихин	1913	Латвия/Россия, Рига
б/н	апостериорный	В. В. Тихомиров	1914	Москва
Агана	апостериорный	П. Стоян	1914	Петербург
Международно-научный язык [II]	апостериорный	А. Ковалев	1911–1914	Ростов-на-Дону
Международно-научный язык [III]	апостериорный	А. Ковалев	1911–1914	Ростов-на-Дону
Философский язык	априорно-философский	Я. Линбах	1916	Петроград
б/н	апостериорный межслав.	П. Стоян, Д. Чуловский	1913–1916	Петроград
etem	апостериорный	Н. В. Юшманов	1917	Петроград
Glott	апостериорный	В. Петрашевич	1917	Петроград
Glott	апостериорный	В. Петрашевич	1918	Петроград

Таблица 2 (продолжение)

Лингвопроект	Структурный тип	Создатель (автор)	Год создания	Место создания
АО [I]	априорно-философский	В. Л. Гордин	1920	Москва
Ariadna lingvo	апостериорный	В. Шмурло	1920	Латвия/Рига
QI	априорно-философский	С. А. Кукель-Краевский	1921	Петроград
Transcendent algebra	пазиграфия	Я. Линдбах	1921	Эстония, Ревель/Таллин
(Ideographie matematical)				
Interlingue (Occidental)	апостериорный	E. Wahl/Э. Валь	1922	Эстония, Ревель/Таллин
Liana	?	П. Е. Стоян	1923	Молдавия/Кишинев
Lingvo komuna	апостериорный	К. J. L.	1923	Грузия/Тбилиси
Unita	?	П. Е. Стоян	1923	Молдавия/Кишинев
АО [II]	априорно-философский	В. Л. Гордин	1924	Москва
Universal	априорно-апостериорный	Г. И. Муравкин, Л. И. Василевский	1925	Харьков/Москва
Омо	апостериорный	В. И. Венгеров	1926	Свердловск
Общечеловеческий язык	общие рассуждения	К. Э. Циолковский	1927	Калуга
Rapeto	апостериорный	М. С. Писаренко	1917–1927	Одесса/Херсон/Москва
Синтесаль	апостериорный	Н. Рубинин	1930	Ашхабад
Demo	апостериорный	А. Иванов	1933	Киев
Cultural	апостериорный	А. Иванов	1934 (?)	Киев
Антро	апостериорный	Н. Д. Андреев	1950	Ленинград
Общий вспомогательный язык	апостериорный	Н. Д. Шевчугов	1950 (?)	Омск
Аксиом-вариант	апостериорный	Д. Г. Баев	1949–1960	Москва
Solinga	апостериорный	А. М. Лихтейм	1967	Москва
Ingeo	апостериорный	Н. Д. Шевчугов	1968	Омск
REL	апостериорный	Н. Д. Шевчугов	1920–1968 (?)	Красноярск/Омск
Гео-язык	пазиграфия	Г. А. Загорельский	1970	Ленинград

а^б/н—без названия

вершины. Но этот взлет завершился во второй половине 30-х гг. разгромом как самого эсперантского движения, так и гибелью его руководителей и крупнейших теоретиков этого международного вспомогательного языка.

Уже в первые послереволюционные годы проблема МИЯа и прежде всего эсперанто сразу же оказалась в социолингвистическом пространстве будущего и позднее сформированного СССР. Это выразилось в том, что эсперанто, имевший в дореволюционной России достаточно устойчивую традицию функционирования, был вовлечен в процесс культурного строительства—вслед за многочисленными национальными языками. По всему Союзу создаются общества сторонников эсперанто, действуют многочисленные кружки по его изучению, проводятся конференции и съезды, издается огромное количество литературы на эсперанто—как оригинальной, так и переводной, выходит эсперантская периодика, эсперанто активно используется в международной переписке. На состоявшемся в 1923 г. в Москве первом съезде Союза эсперантистов Советских стран (СЭСС) принимается резолюция, в которой сказано:

Задачей же СЭСС является пропаганда яз[ыка] Эсперанто в кругах рабочих и трудящихся С.С.С.Р. и использование международного языка, как мощного орудия связи с пролетариями всех стран, в интересах Советских Республик и в целях содействия их международным задачам. Поэтому все эсперантисты, объединяющиеся в СЭСС, берут на себя моральное обязательство служить поставленной цели. (Резолюция 1923, 8)

В статье Б. Шабера (1923, 16), посвященной итогам указанного съезда, выражается типичный для того времени оптимизм в перспективах распространения эсперанто и его высокого международного предназначения, ср.: «Сеть кружков и ячеек при профсоюзах, рабочих и партийных клубах становится все гуще—рабочие массы тянутся к изучению яз[ыка] Эсперанто, инстинктивно чувствуя в нем надежное орудие пролетарской солидарности и классовой борьбы».

Как и в социолингвистике этого периода в целом, здесь также активная борьба связана с поисками основ марксистского языкознания—ведь от этого зависит то, будет ли найдена и обоснована ниша для международного языка в формирующемся социолингвистическом пространстве СССР. Примечательно, что для эсперантологов и интерлингвистов этого времени и движения за МИЯ в целом вопрос о методологии оказался непростым. С одной стороны, некоторые из них поддерживают группировки, заявившие о себе как о марксистском языкознании, например, ‘новое учение о языке’ Н. Я. Марра—таковы, например, публикации А. П. Андреева и Е. Спиридовича (Андреев 1929а, 1–8; 1929б, 60–64; 1930, 179–188; Спиридович 1930, 22–30, 95–107, 189–205 и 285–306; см. также Спиридович 1931). С другой стороны, есть неприятие идей Марра (ср., например, Иодко 1926, 7–12). В целом на этих же позициях находился и крупнейший теоретик эсперанто и интерлингвист Э. К. Дрезен. В 1930 г. он вместе с группой Языкфронт выступил против доктрины Марра (Обращение 1930, 177–178), за что подвергся (впрочем, как и сторонник марризма Е. Спиридович) огостелой критике марристов в сборнике *Против буржуазной контрабанды в языкознании* (Горбаченко, Синельникова и Шуб 1932, 129–140). Все же следует отметить, что некоторые положения доктрины Марра Э. К. Дрезен признавал. Он считал, что язык относится к идеологической надстройке общества—в его книге *Основы языкознания, теории и истории международного языка* (Дрезен 1929) один из разделов так и называется: *Международный язык как надстройка над экономическими и производственными отношениями* (там же, 23).

Однако приходилось бороться (или солидаризироваться) не только с ‘новым учением о языке’. Так, например, Р. О. Шор (1927) раскритиковала сборник *На путях*

к *международному языку*, выпущенный под редакцией Э. К. Дрезена в 1926 г., не найдя в нем ничего теоретически интересного (Шор 1927, 184–185). По ее мнению, «теоретические построения [в книге] отнюдь не способствуют разрешению проблемы и лишь возвращают нас к эпохе младенчества филологии» (там же, 185). Однако критика Р. О. Шор также носила идеологический характер, ср. ее рассуждения в *Большой Советской энциклопедии*: «Я считаю, что причиной развития эсперанто является тот факт, что эсперанто идет в подборе слов по линии исключительно привлечения великодержавных языков—романских, английского, в меньшей степени немецкого. Отсюда—между прочим, широкое использование эсперанто итальянскими фашистами» (см.: *Международный язык*, Москва, 1931, № 3, с. 170).

Э. К. Дрезен, можно сказать, одним из первых попытался материалистически обосновать проблему международного языка. Уже в 1922 г. появляется его книга под названием *Проблема международного языка (опыт материалистического обоснования вопроса)*. Книге предпослан красноречивый эпиграф: «Посвящается всем рутенерам, эстетам и теоретикам, отрицающим и не допускающим возможность существования искусственного международного языка» (Дрезен 1922a, внутренний титульный лист). Дрезен различает в этой работе два вида регулирования языка:

- 1) естественное, при котором регуляторами языка выступают: традиция («Развитие языка совершается по традиции», там же, 5), дифференциация, или деление на говоры и диалекты, и ассимиляция, т.е. объединение языков;
- 2) искусственное, при котором регуляторами языка являются письменность и грамматика, допускающая, как в случае с санскритом, совершенствование языковой системы, и интернационализация элементов языка в целом (Дрезен 1922a, 6–7).

Отталкиваясь от этих двух направлений, автор книги проводит мысль об объективном характере развития идеи МИЯа в истории человечества. Он считает, что в принципе возможно искусственное регулирование языков, особенно в направлении все большей их интернационализации:

В области усиления интернационализации естественных языков следующие основные меры регулирования должны быть проведены в мировом масштабе во всяком случае:

- а) упрощение грамоты (по отношению ко всем без исключения языкам);
- б) унификация шрифтов на международной основе;
- в) интернационализация и сближение терминологий различных наук и научных дисциплин;
- г) введение единых обозначений (номенклатур) мер и т.п. (Дрезен 1922a, 15).

Он формулирует требования к международному языку:

[...] международный язык должен быть очевидно:

- а) Доступным различным народам (следовательно элементарно сконструированным при учете всех существенных данных традициями и интернационализации).
- б) **Демократичным по построению**, без исключений и простым, отвечающим необходимости.
- в) Выражающим оттенки национальной речи, т.е. приспособленным для перевода. Приходится признать, что уже вследствие этих одних требований международным языком может быть только язык **искусственный** (Дрезен 1922a, 15).

В последующих работах Дрезен нередко говорит о ‘выправлении’, ‘ломке’ языка вместо того, чтобы проследить, как язык испытывает на себе действие его носителей и общества в целом.

В главе книги *За всеобщим языком* (Дрезен 1928а), названной *Последовательное революционное марксистское мировоззрение*, он писал:

При неизбежности развала капиталистической системы и наступления социалистической, которая явится в результате созревания элементов нового строя и новых отношений, перед нами стоит вопрос: надлежит ли оставаться пассивными, или же необходимо регулировать эти процессы созревания, ускорять их темп и содействовать дезорганизации элементов прошлой системы, как предлагает революционный марксизм? Ждать ли естественного рождения языка, или же, наблюдая уже имеющиеся налицо языковые процессы и опыт соответствующих исторических прецедентов, фиксировать эти процессы, использовать и регулировать их соответственно нашим потребностям?

На такой вопрос существует и может существовать лишь один ответ: необходимо организованно содействовать введению искусственного международного языка среди трудящихся и их организаций.

Таким образом, с революционными задачами современности и грядущего будут увязаны и возможности сознательного языкового строительства. (Дрезен 1928а, 21; см. также Дрезен 1922б)

Таким образом, в соответствии с материалистическими представлениями Дрезена язык, относящийся к идеологической надстройке общества, тесно связан с этим обществом и подвергается изменениям под влиянием социальных изменений, а это значит, что на язык можно сознательно воздействовать, интернационализировать его состав, совершенствовать и под. (подробнее об интерлингвистической концепции Дрезена см. Дуличенко 1983, 89–121).

Радикальнее и в то же время прямолинейнее в борьбе за марксистское языкознание был современник Э. К. Дрезена Е. Спиридович, считавший, что «лишь в усилиях марксистов-работников международного языка [...] мы видим начало грандиозной работы по построению нового марксистского языкознания» (Спиридович 1926–1927а, 161). Суть этой работы состоит в переходе ‘от национальных литературных языков к вспомогательному МЯ (ВМЯ)’, ср.:

Безусловно переходная эпоха к социализму есть эпоха создания МЯ, но если еще для создания нац[ионально]-лит[ературных] языков понадобилась большая доля искусственной работы, иначе говоря, понадобилась языковая революция, то не понадобится ли таковая во много раз в большей степени при переходе к ВМЯ от нац[ионально]-литературных языков? Одно упрощение и унификация орфографии чего будет стоить! Но не произойдет ли это ‘естественным’ путем? Интересно было бы спросить сторонников теории ‘естественного’ слияния языков, как они себе мыслят ‘естественное’ слияние грамматики хотя бы и в переходную к социализму эпоху. По нашему мнению, этот следующий, **высший этап**, языкового развития будет характеризоваться еще большим ростом элементов сознательного (искусственного), чем мы это имеем в нац[ионально]-лит[ературных] языках, и необходимая быстрота образования МЯ явится следствием именно этого. (Спиридович 1926–1927а, 163)

Интернационализация терминологии—показатель языковой унификации, однако терминологизируется лишь незначительная часть словаря и то в основном техническая.

Спиридович (1926–1927а, 164) замечает, что в языках во многом этому мешают разные способы передачи новых слов, мешает национальный багаж:

Напр., в русском языке международны: ‘авиация’, ‘аэроплан’, но: ‘летчик’, ‘приземляться’, ‘снизиться’, ‘мертвая петля’ и т.д., несмотря на всю интернациональность и в то же время новизну этих понятий, образованы национальным путем. Еще пример из электро- и радиотехники: национальным путем образовано множество слов, и среди них такие, как: ‘приемник’, ‘широковещать’, ‘ток’, ‘катодная лампа’, ‘электрическая искра’, ‘переключатель’ и т.д.—множество других слов, **выражающих вполне интернациональные понятия.**

Отсюда вывод о том, что объективным должен стать ‘переход от национальных языков к нац[ионально]-литературному и от нац[ионально]-литературных к ВМЯу’ (Спиридович 1928, 270). Вообще, по Спиридовичу (1926–1927б, 241), существует ‘схема развития языка’, представляющая собою четыре основные эпохи: начальная—это эпоха народных говоров, затем эпоха национальных литературных языков, после чего следует эпоха вспомогательного международного языка и, наконец, эпоха всеобщего (универсального) международного вспомогательного языка. Современное Спиридовичу общество находится в эпохе национальных литературных языков, формируемых в значительной мере сознательным путем, но уже отчетливо дает о себе знать эпоха вспомогательного международного языка, над которой нужно работать уже сейчас. Это, конечно, слишком оптимистический взгляд, своего рода ‘забегание вперед’, что вызвало осуждение со стороны серьезных теоретиков движения за МИЯ.

Материалистический подход к языку в рамках движения за МИЯ в 20–30-е гг. в СССР подразумевал прежде всего социальную обусловленность языка и возможность его сознательного регулирования. Четче всех эту точку зрения выразил Е. А. Бокарев, в ту пору молодой языковед, а впоследствии известный в СССР кавказовед и интерлингвист. Участвуя в работе *Историко-теоретической секции СЭСР*, он предложил для разработки тему *Сущность марксистского языкознания* (см.: *Международный язык*, 1929, № 1, с. 25–26), а вскоре в журнале *Международный язык* появилась и его статья *Языкознание и марксизм* (Бокарев 1929, 203–206). Бокарев отмечает заслуги яфетической теории Марра, например, идею единого глоттогонического процесса, язык как продукт человеческой культуры и др., однако считает неверным отождествление ее с ‘марксистским языкознанием’ (там же, 204). В заключении статьи он писал:

В настоящее время мы только в самых общих чертах можем наметить контуры марксистского языкознания. Нужна еще большая работа по уточнению методологии, нужна солидная ревизия здания современного социологического языкознания, для многих теоретических построений нужно еще кропотливое собирание материала и его систематизация. Основы марксистского языкознания—социологизм и нормативизм. Это заставляет марксистское языкознание с особым вниманием отнестись к эсперантскому движению, которое должно стать одним из серьезнейших моментов языковой политики сегодняшнего дня. Это же заставляет и эсперантистов принять активнейшее участие в построении марксистского языкознания: только оно может дать международному языку прочную теоретическую базу. (Бокарев 1929, 206)

Формулировка ‘Основы марксистского языкознания—социологизм и нормативизм’ является стержнем в теоретической разногласии в рамках движения за МИЯ в СССР в 20–30-е гг. (см. также Бокарев 1928, 129–139).

Э. К. Дрезен категорически против реформ национальных языков в направлении их все большей интернационализации с целью привести такие языки к статусу международного. Он критикует А. П. Андреева за его предложения максимально реформировать русский язык (Дрезен 1926–1927, 81 и далее), хотя не один А. П. Андреев выступает с подобными предложениями. Кстати, эсперантское движение в известной мере поддерживало эфемерное движение за латинизацию письменности русского и украинского языков (см., например, рассуждения в журнале *Международный язык* за 1930 г., № 1 с красноречивыми заголовками: *За латинизацию алфавита. Немного теории и истории вопроса*, с. 31–33; *Латинскую азбуку украинскому языку* Е. Чихачева, с. 36; *Включить латинку в культурную пятилетку*, с. 37). Это отвечало идее сближения языков в виде интернационализации письменности.

С годами Э. К. Дрезен стал проявлять осторожность в определении роли и перспектив эсперанто, ср. его суждение начала 30-х гг. (Дрезен 1926–1927, 83; ср. также Дрезен 1931а, 1931б, 14–17 и др.):

[...] являясь языком, так сказать, переходного периода, Эсперанто, конечно, не может претендовать, что он уже сейчас разрешает проблему о грядущем всеобщем языке и полностью предопределяет его формы. Эсперанто—своеобразное техническое приспособление к современным, все шире развертывающимся, формам международного общения, при чем, как язык искусственно сконструированный, Эсперанто мог оказаться несравненно более рациональным, чем все остальные естественные национальные языки.

При этом Дрезен (1928б) одним из первых обосновал концепцию, согласно которой в вопросе об общем языке следует различать две перспективы: ближайшую—и тогда речь должна идти о международном вспомогательном языке, который функционирует параллельно с национальными языками и обслуживает лишь отдельные стороны международных контактов, и далекую—и тогда следует говорить о всемирном и даже общечеловеческом языке, языке будущего, контуры которого не представляется возможным в настоящее время обозначить (см. Дрезен 1928б, 327). Кстати, именно такое разграничение проблемы общего языка, т.е. деление ее на две категории языков, оказалось камнем преткновения как для классиков марксизма, так и для их многочисленных последователей не только в рассматриваемые 20–30-е гг., но и во вторую половину XX в. (см. об этом Duličenko 2003).

Если с эсперанто все же было более или менее ясно: язык вспомогательный, не претендующий на вытеснение этнических, и т.д., то иначе обстояло дело с другими лингвопроектами, в той или иной степени социализованными, например, с идо или окциденталем, или же несоциализованными вовсе. Журнал *Международный язык* и ряд других изданий пестрят нападками на лингвоконструктивную работу в СССР в рамках лингвопроектирования. Красноречивы в этом плане названия статей, ср.: *Чешихиница*—о вариантах лингвопроекта нэпо В. Чешихина (1930, № 6, с. 321–323), *Разлюбил я родную дубину...*—о проекте синтесаль Н. Рубинина из Ашхабада (1931, № 1, с. 55), *Чепухажо де товарищ Чернова*—о легковесной попытке применить эсперантскую грамматику к русскому языку (1931, № 1, с. 56) и др.

После погромного марристского сборника *Против буржуазной контрабанды в языкознании* (Горбаченко, Синельникова и Шуб 1932) лингвопроектирование угасает (один лингвопроект в 1933 и еще один в 1934—оба рукописные!), становится рискованным занятием, а эсперанто был вскоре объявлен ‘опасным языком’—*danĝero lingvo*, что означало конец эсперантскому движению в СССР, которое, как считалось, вело языковое развитие в утопию и мешало ориентации советского общества

на русский язык. Теоретическую базу такого отношения разрабатывали в основном марристы. Существенно отметить, что сворачивание движения за МИЯ шло одновременно с прекращением языкового строительства, в частности, описывания бесписьменных языков, поддержки младописьменных языков и подобное.

В дополнение к сказанному обратим внимание на некоторые весьма интересные и продуктивные суждения эсперантологов и интерлингвистов рассматриваемого времени.

В самом начале 20-х гг. для сторонников идеи МИЯа было ясно, что «техника передачи мысли и связи перешагнула развитие языка» (Дрезен 1922а, 12). Ему вторит Е. Спиридович (1926–1927а, 246):

Язык (орган) и гортань потеряют свою монополию. Уже в наше время имеет колоссальное значение язык написанных знаков—письменность,—имеющий общего с речью по существу столько же, сколько общего между двумя видами энергии. Язык граммофона, телеграфа и радио еще таит огромные возможности в отношении механизации системы знаков, именуемой языком.

Почему это замечено и почему этому придается такое значение? Да потому, что естественное речевое общение дополняется искусственными системами, полезность и очевидный прогресс которых никто не отрицает. Идея МИЯа не только объективно встраивается в такое соотношение, но и имеет перспективу для дальнейшего языкового развития человечества в сторону его сознательного регулирования.

И еще один аспект. В теоретических работах по эсперантологии и интерлингвистике рассматриваемого периода развивается мысль о так называемой ‘лингвотехнике’, или ‘лингвотехнологии’. По свидетельству Е. Спиридовича (1930, 95–107), термин ‘лингвотехнология’ предложил Г. Винокур. В Спиридович (1930, 285–306) специальные разделы, названные *Схема истории лингвотехники, Основные этапы лингвотехники переходной эпохи, Задачи лингвотехники в области строительства национальных литературных языков*. Спиридович (1926–1927б, 245) пишет о необходимости «лабораторной работы лингвотехников», которая должна быть направлена на разработку совершенного языка, а базой для него может стать эсперанто:

Исчезновение языкового фетишизма полностью устранил препятствия для высшего расцвета лингвотехники и лингвотехнологии. Вне языкового фетишизма потеряет всякий смысл разделение на понятия ‘стихийный’ и ‘сознательный’, ‘естественный’ и ‘искусственный’,—также как сейчас бессмысленно такое разделение в области техники орудий труда. Лингвотехнология найдет пути для доведения языка до высшей степени соответствия с логикой мышления, осуществив идеал старинных мечтателей о философском языке.

Таким образом, по представлениям этого теоретика, ‘лингвотехнология’—это, по сути, ‘лингвопроектирование’, или ‘лингвоконструирование’ в современном понимании, т.е. работа по созданию проектов МИЯов. Е. А. Бокарев (1928, 133–134) связывал лингвотехнологию со стилистикой или, по крайней мере, считал ее продолжением последней, ср.:

Стилистика, остававшаяся до того времени в полном загоне, растет в ‘лингвистическую технологию’, науку, указывающую как нужно строить и обрабатывать речь, чтобы язык в надлежащей мере выполнял свое социальное назначение. Преклонение младограмматиков перед стихией языка сменилось у социологов активно-творческим отношением к языку, как орудию человеческого общения.

Такое понимание лингвотехнологии как бы вытекает из характерного для литературных языков процесса их стилистической обработки, т.е. сознательной работы над совершенствованием языка. Представляется, что эта мысль, возникшая или развивавшаяся в рамках движения за МИЯ в СССР в 20–30-е гг. XX в., до сих пор не утратила своей актуальности.

Литература

- Андреев, А. П. (1929а). Международный язык и наука о языке. *Международный язык*, 1, 1–8.
- Андреев, А. П. (1929б). Наука, общественность и международный вспомогательный язык. *Международный язык*, 1, 60–64.
- Андреев, А. П. (1930). Язык и диалектика. *Международный язык*, 4–5, 179–188.
- Бокарев, Е. (1928). Международный язык и наука о языке. *Известия Ц. К. СЭСР*, 5–6, 129–139.
- Бокарев, Е. (1929). Языкознание и марксизм. *Международный язык*, 4–5, 203–206.
- Горбаченко, Г. И., Синельникова, Н. П., & Шуб, Т. А. (1932). Вылазка буржуазной агентуры в языкознании. В С. Н. Быковский (ред.), *Против буржуазной контрабанды в языкознании. Сборник бригады Института языка и мышления Академии наук СССР* (Образовательная библиотека ГАИМК, 7) (стр. 129–140). Ленинград.
- Дрезен, Э. (1922а). *Проблема международного языка (опыт материалистического обоснования вопроса)*. Москва.
- Дрезен, Э. (1922б). *Международный язык*. Москва.
- Дрезен, Э. (1926–1927). Рационализация орудия связи и взаимопонимания языка. *Известия Ц. К. СЭСР*, 3–4, 81–84.
- Дрезен, Э. (1928а). *За всеобщим языком (три века исканий). С предисловием академика Н. Я. Марра*. Москва, Ленинград.
- Дрезен, Э. (1928б). Искусственное регулирование развития языка. *Известия Ц. К. СЭСР*, 9–10, 266–271; 11–12, 323–328.
- Дрезен, Э. (1929). *Основы языкознания, теории и истории международного языка. Пособие для кружков и кружководов. Часть III: Распространение, использование и пути дальнейшего оформления международного языка*. Москва.
- Дрезен, Э. (1931а). О грядущем эсперанто. Язык национальный, международный и всеобщий. *Международный язык*, 1, 14–17.
- Дрезен, Э. (1931б). Языки контр-революции. Реакционные теории в современной космоглотике (!). *Международный язык*, 2, 77–80.
- Дуличенко, А. Д. (1982). Интерлингвистика. В А. Д. Дуличенко (ред.), *Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятилетия академика Пауля Александровича Аристее* (Ученые записки Тартуского государственного университета, 613. *Interlinguistica Tartuensis*, 1) (стр. 68–93). Тарту.
- Дуличенко, А. Д. (1983). Концепция международного и всеобщего языка Э. К. Дрезена (Фрагмент истории довоенной отечественной интерлингвистики). В А. Д. Дуличенко (ред.), *Теория и история международного языка* (Ученые записки Тартуского государственного университета, 644. *Interlinguistica Tartuensis*, 2) (стр. 89–121). Тарту.
- Дуличенко, А. Д. (1989). Интерлингвистика: сущность и проблемы. В А. Д. Дуличенко (ред.), *Общая интерлингвистика и плановые языки* (Ученые записки Тартуского государственного университета, 858. *Interlinguistica Tartuensis*, 6) (стр. 18–41). Тарту.
- Дуличенко, А. Д. (1990). *Международные вспомогательные языки*. Таллинн.
- Дуличенко, А. Д. (1995). Международные искусственные языки: объект лингвистики и интерлингвистики. *Вопросы языкознания*, 5, 39–55.
- Иодко, А. (1926). Эсперанто перед судом науки. *Международный язык*, 24(50), 7–12.
- Кузнецов, С. Н. (1987). *Теоретические основы интерлингвистики*. Москва.
- Мельников, А. С. (2004). *Лингвокультурологические аспекты плановых международных языков (на фоне этнических)*. Ростов-на-Дону.
- Обращение (1930). Обращение группы “Языковедный фронт”. *Международный язык*, 4–5, 177–178.
- Резолюция (1923). Резолюция по вопросу о международной деятельности СЭСС. *Бюллетень Центрального Комитета Союза Эсперантистов Советских Стран (СЭСС)*, 6(12), 8–9.
- Спиридович, Е. (1926–1927а). Процессы интернационализации языка. *Известия Ц. К. СЭСР*, 5–6, 161–165.
- Спиридович, Е. (1926–1927б). Схема развития языка. *Известия Ц. К. СЭСР*, 7–8, 241–246.

- Спиридович, Е. (1928). К разработке плана историко-теоретической секции Лингвистической Комиссии СЭСР. *Известия Ц. К. СЭСР*, 9–10, 268–271.
- Спиридович, Е. (1930). Очерки теории вспомогательного международного языка. *Международный язык*, 1, 22–30; 2–3, 95–107; 4–5, 189–205; 6, 285–306.
- Спиридович, Е. Ф. (1931). *Языкознание и международный язык*. Москва.
- Шабер, Б. (1923). Итоги I Конгресса С.Э.С.С. *Бюллетень Центрального Комитета Союза Эсперантистов Советских Стран (СЭСС)*, 6(12), 16–17.
- Шор, Р. (1927). Рец.: На путях к международному языку. Сборник статей под общей ред. Э. К. Дрезена. Гиз. М.Л. 1926. Стр. 168. Тир. 3000 экз. Ц. 2 р. *Печать и революция*, 2, 184–185.
- Юшманов, Н. В. (1987). Всемирный язык. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 46, 457–468.
- Blanke, D. (1985). *Internationale Plansprachen. Eine Einführung* (Sammlung Akademie-Verlag, 34). Berlin.
- Duličenko, A. D. (2003). Le marxisme et les projets de langue universelle du communisme. In P. Sériot (Ed.), *Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne (épistémologie, philosophie, idéologie)* (Cahiers de l'ILSL, 14) (pp. 101–120). Lausanne.
- Yushmanov, N. (1929). *Cosmoglottica. Schola et vita*, 8–9, 235–240.